

Дмитрий Макаров

Международное Молодежное Правозащитное Движение www.yhrm.org

Команда правовой безопасности активистов «Legal Team»

orlovets@gmail.com

+7-916-537-1367

Обзор ситуации со свободой собраний в России (в период с весны 2006 г. по весну 2007 г.)

Основные тенденции:

- 1. Запреты из соображений безопасности.**
- 2. Запреты со ссылкой на «права других людей».**
- 3. Ужесточение требований о подаче уведомлений.**
- 4. Цензура тем и лозунгов мероприятий.**
- 5. Запреты на проведение мероприятий в конкретных местах, предложение неприемлемых мест и времени.**
- 6. Изменение формы публичного мероприятия.**
- 7. Ограничение числа участников.**
- 8. Вмешательство милиции.**
- 9. Превентивные действия милиции.**
- 10. Ужесточение наказаний. Фальсификация доказательств.**

Статья 31 Конституции РФ гарантирует свободу мирных собраний. Федеральный закон РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» № 54-ФЗ является одним из самых либеральных в Европе: он провозглашает право каждого собираться мирно и без оружия после предварительного уведомления органов исполнительной власти, и никакого разрешения со стороны этих органов не требуется. Органы власти могут лишь предложить изменить место и (или) время проведения мероприятия и указать на ошибки в уведомлении, но не вправе навязывать каких-либо изменений или запрещать проведение публичного мероприятия. К их обязанностям относится оказание содействия организаторам публичных мероприятий и обеспечение порядка и безопасности.

На практике свобода собраний систематически подвергается серьёзным ограничениям. Милиция всё ещё требует от протестующих «официального разрешения» и зачастую вмешивается и задерживает участников, не принимая во внимание тот факт, что все требования закона были соблюдены организаторами. Если акция призвана привлечь внимание к каким-либо сомнительным, с точки зрения властей вопросам, они зачастую отказывают в «согласовании», после чего вмешательство милиции становится неизбежным. Эта практика чрезвычайно широко распространена, хотя абсолютно не основана на законе. При этом, даже в тех редких случаях, когда организаторы доводят дело до суда, суды почти всегда принимают сторону милиции и органов исполнительной власти.

Вмешательство милиции в проведение мирных собраний приобретает всё большие масштабы и часто сопровождается необоснованным насилием и непропорциональным применением силы. Всё чаще задержанные участники публичных мероприятий подвергаются преследованию в суде за правонарушения, которых они не совершали, на основании недостоверных или сфальсифицированных доказательств, собранных милицией. Обвинения фабрикуются по другим статьям с целью дольше удержать участников в ОВД и в дальнейшем лишиться свободы на срок до 15 суток по решению суда.

Превентивные действия милиции также выходят далеко за рамки закона. Участники мирных собраний подвергаются запугиванию: от визитов к ним домой и

допросов, до снятия с поездов, воспрепятствованию посадке в транспорт, собирания паспортных данных и снятия отпечатков пальцев, и вплоть до превентивных задержаний и нападениям неопознанных лиц.

Основные нарушения свободы собраний в России можно условно классифицировать следующим образом:

1. Запреты из соображений безопасности

Возражая против проведения мирных собраний органы власти всё чаще обосновывают свои действия соображениями безопасности участников. Невозможность обеспечить безопасность участников от агрессии со стороны контр-демонстрантов стала причиной запрета гей-прайда и двух пикетов в защиту ЛГБТ, запланированных на 27 мая 2006 г. Эти запреты были признаны правомерными в суде вопреки позиции Европейского суда по правам человека, чётко сформулированной в решениях по делам *Plattform "Ärzte für das Leben" v. Austria* и *United Macedonian Organization Ilinden and Ivanov v. Bulgaria* – в которых Суд подчеркнул, что угроза контр-протестов не может становиться причиной для ограничения свободы собраний. Симптоматичным также является то, что насилие со стороны контр-демонстрантов и в прошлом, и в текущем году осталось абсолютно безнаказанным, несмотря на массовые задержания.

Целый ряд мирных собраний также подвергся запретам со ссылкой на безопасность. В качестве самых абсурдных случаев можно назвать: ссылку на угрозу падения сосулек на активистов правозащитных организаций в Воронеже, указание протестующим экологами в Москве на опасность оползней, запрет демонстрации левых активистов в Орле из-за возможности обрушения моста. Интересно, что все эти страшные «бедствия» угрожали только активистам и только в день проведения запланированного ими мероприятия; при этом для обеспечения безопасности обычных прохожих никакие меры не принимались.

Органы исполнительной власти часто ссылаются на то, что не имеют возможности перекрыть движение транспорта на месте манифестации, которой поэтому не суждено состояться из соображений безопасности. Под таким предлогом был, в частности, запрещён Марш за добровольную армию, который должен был пройти на одной из центральных улиц Москвы 31 марта 2007 г. Это не помешало правоохранительным органам заранее заблокировать движение транспорта по заявленному маршруту: в целях разгона демонстрации. Аналогичную картину можно было наблюдать 7 ноября 2006 г., когда милиция перекрыла проезжую и пешеходную часть центральных улиц, несмотря на то, что невозможность заблокировать движение была названа в качестве официальной причины для запрета демонстрации.

Блокирование всех улиц, ведущих к месту сбора демонстрантов, стало обычной мерой. Движение транспорта жёстко – и притом, как правило, без какой бы то ни было необходимости – ограничивалось милицией в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Воронеже во время Маршей несогласных, организованных коалицией оппозиционных сил «Другая Россия». При этом очень распространено блокирование проезжей части улиц для организации официальных шествий и городских праздников – что не вызывает вопросов ни у милиции, ни со стороны городских властей.

Возможность нарушения движения транспорта и угроза несчастных случаев по-прежнему остаются наиболее распространёнными предлогами для запрета демонстраций. Хотя очевидно, что совместные усилия демонстрантов и органов власти решили бы проблему с транспортом и обеспечили бы безопасность горожан.

Такой подход к обеспечению безопасности – абсолютный запрет на проведение собраний – уже был признан правомерным судом в деле об антифашистской демонстрации, организованной 4 ноября 2006 г. активистами Гражданской Объединённой Зелёной Альтернативы (ГРОЗА) и Молодёжного Правозащитного Движения. Решение

было обжаловано командой «Legal Team» - однако Московский городской суд оставил его без изменений, несмотря на очевидное противоречие такой позиции практике Европейского Суда. Юридические баталии вокруг этих запретов, несомненно, будут вестись и дальше: жалобы по аналогичным делам уже находятся в процессе подготовки.

2. Запреты со ссылкой на «права других»

Одной из наиболее распространённых причин ограничения передвижения демонстрантов по пешеходным улицам является ссылка на положение Конституции о том, что осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Эта норма часто используется для запрета шествий в Москве. Городские власти полагают, что право горожан «гулять в парках и скверах» может быть нарушено присутствием протестующих. Аналогичная формулировка была взята на вооружение чиновниками и в других городах – однако Москва является неоспоримым чемпионом в этой области: как минимум 15 московских шествий были запрещены в 2007 г. для обеспечения «прав других лиц».

Очевидная непропорциональность этого ограничения ничуть не смущает мэрию, которая раз за разом продолжает запрещать шествия по этим причинам. Такая судьба ждала и Марш памяти убитых журналистов 17 декабря 2006 г. и Шествие за свободу шествий 1 апреля 2007 г., организованные независимыми активистами, не входящими ни в какие оппозиционные структуры. Шествия были запрещены властями в стремлении защитить права «прохожих», а организаторам мероприятий было предложено ограничиться митингами. Аналогичная ситуация развернулась вокруг Маршей несогласных в Москве (16 декабря, 14 апреля, 11 июня), Санкт-Петербурге (3 марта, 15 апреля), Нижнем Новгороде (24 марта), Воронеже (29 мая) и Мурманске (13 июня).

Запреты с такими общими формулировками могут постигнуть любое публичное мероприятие, что очевидно лишает положения о свободе собраний всякого смысла. Тем не менее, городские власти считают подобные причины достаточно вескими и готовы отстаивать свою позицию в судах. Показательным является тот факт, что и гей-прайд 2007 г. был запрещён со ссылкой на «права других»: очевидно, этот довод был выбран мэрией как, якобы, основанный на законе. Прошлогодний гей-прайд был запрещён в целях безопасности его участников – которая фактически так и не была обеспечена ни этой весной, ни год назад.

Эти две причины отказов фигурируют чаще других. Комичным образом они иногда сопровождаются ссылками на ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая, с точки зрения органов исполнительной власти, даёт им право ограничивать свободу собраний по этим основаниям. Однако для того, чтобы подобное вмешательство не рассматривалось как нарушение Конвенции, оно должно быть напрямую предусмотрено национальным законом. Российское законодательство не устанавливает возможности применения никаких профилактических запретов – как следствие, упомянутые действия властей являются нарушением свободы собраний.

3. Ужесточение требований о подаче уведомлений

Российское законодательство о собраниях не отстывает от европейских стандартов, предусматривая предварительное уведомление властей организаторами о намерении провести публичное мероприятие, а не разрешительную процедуру. Некоторые виды публичных мероприятий могут проводиться без подачи уведомления – в частности, пикет одного участника и **собрание** без наглядной агитации «в специально отведённом или приспособленном для этого месте» (т.е. в помещении). Несмотря на это, власти продолжают требовать уведомления о них, а милиция считает делом чести вмешаться, даже если встречает одинокого активиста с плакатом или флагом. Чиновники явно стремятся жёстко контролировать собрания, даже если в законе прямо прописано обратное.

В Мурманске и Екатеринбурге имели место случаи, когда индивидуальные пикеты экологов и правозащитников, находившихся в конфликте с городскими властями, заканчивались арестом единственного участника акции. Во время саммита «Большой восьмёрки» для задержания члена организационного комитета Российского Социального Форума, пытавшегося провести индивидуальный пикет против «Большой восьмёрки», было стянуто 6 милицейских машин, и впоследствии он был приговорён к 7 дням административного ареста.

Однако самый абсурдный случай, наверное, имел место в Новороссийске (Краснодарский край) - где милиция, сотрудники **ФСБ**, миграционной службы и чиновники краевой администрации ворвались на чаепитие с участием немецких гостей, устроенное в местной школе организацией «Фродо», где велись разговоры о футболе. Организаторы и участники вечеринки были обвинены в проведении «незаконного собрания», поскольку не «уведомили органы власти». Ещё более фантастическим является решение суда, который без колебаний признал всех виновными и приговорил к штрафам от 500 до 2000 рублей. Вопреки тому обстоятельству, что Закон № 54-ФЗ прямо предусматривает собрания без предварительного уведомления властей, решение было оставлено в силе вышестоящим судом. По всей России и в некоторых других странах прошли чаепития солидарности, организованные Молодёжным Правозащитным Движением и поддержанные другими молодёжными инициативами, призванные подчеркнуть нелепость судебных решений. В администрацию Новороссийска, всё ещё не признавшую незаконность своего вторжения на мирную вечеринку, были направлены шуточные уведомления о проведении чаепитий.

В октябре 2006 г. в пригородах Москвы милицией было разогнано собрание автомобилистов, посвящённое обсуждению изменений законодательства о правилах дорожного движения. Организатор был осуждён за организацию «незаконного митинга». Аналогичная ситуация имела место в Калининграде, где милиция не позволила автомобилистам ставить машины в намеченном месте, сославшись на законодательство о публичных мероприятиях, и прибегнув к массовой проверке документов и обыску машин. Известны случаи, когда положения Закона № 54-ФЗ применялись против водителей, украшавших машины цветными ленточками в знак несогласия с правительственными инициативами или солидарности с протестующими.

Тревожные симптомы того, что эта нелепая ситуация может превратиться в постоянную практику, проявились в дискуссии вокруг закона г. Москвы об обеспечении условий реализации права граждан на проведение собраний. Первоначальный проект закона устанавливал обязанность информировать органы власти о всех видах собраний. Это положение впоследствии было исключено из текста, но депутаты вполне серьёзно обсуждали обязательность подачи уведомлений о всех без исключения публичных мероприятиях, собраниях и дискуссиях.

4. Цензура тем и лозунгов мероприятий

Региональные и местные власти досконально изучают заявленные темы публичных мероприятий в попытке отсечь любую конфликтную проблематику. Обычной практикой, противоречащей законодательству, становится тщательное исследование намеченных лозунгов или требование изменить тему. Это имело место, например, по отношению к акции движения «Мы» под лозунгом «Назад в СССР». Предложенные лозунги были объявлены «слишком ироничными» и заявленное мероприятие было запрещено.

Не секрет, что группы, считающиеся «оппозиционными» правительству, в существенно большей степени рискуют столкнуться с запретами на проведение мероприятий и как следствие - с проблемами со стороны милиции. При этом «оппозиционность» или «конфликтный» характер заявленных тем определяется сугубо произвольно и в спектр «спорных вопросов» попадал не только протест против

масштабного правительственного проекта по строительству нефтепровода у озера Байкал, но и простое требование о соблюдении российской Конституции.

Показательным является тот факт, что единственными разрешёнными в Москве (вопреки последовательной гомофобии мэра Лужкова) мероприятиями по проблемам ЛГБТ были два пикета: 19 июля 2006 г. в знак протеста против смертной казни за гомосексуализм в Иране и 26 мая 2007 г. против всех форм ксенофобии и за свободу собраний. Официальные уведомления об обоих этих мероприятиях не содержали лозунгов ЛГБТ и ограничивались абстрактными формулировками заявленной темы. Хотя большинство лозунгов последнего пикета (организованного совместно Гражданской Объединённой Зелёной Альтернативой (ГрОЗА), Молодёжным Правозащитным Движением и сетью ЛГБТ-организаций) были непосредственно направлены против гомофобии, они не упоминались в уведомлении и таким образом ускользнули от внимания властей. Напрашивается вывод, что подобные абстрактные формулировки – это единственная возможность работать с проблемами, неоднозначно воспринимаемыми властями. Разумеется, такая ситуация невозможна для общества, где свобода собраний является фундаментальным правом, и власти реально стремятся обеспечить его реализацию.

5. Запреты на проведение мероприятий в конкретных местах, предложение неприемлемых мест и времени

Ещё одна тревожная тенденция связана с попытками изменить порядок, установленный законом о собраниях, который является достаточно либеральным по отношению к протестующим. В различных регионах предпринимались инициативы сделать часть городских территорий абсолютно недоступными для демонстрантов. Региональным властям предоставлены определённые полномочия по регулированию этих вопросов, хотя абсолютный запрет публичных мероприятий в местах, не оговоренных в федеральном законе, является неправомерным.

Тем не менее, де-факто часть территорий многих крупных городов уже были обращены в «свободные от протестов зоны». В Москве, например, к таким местам относятся площади у зданий мэрии и ФСБ – на проведение публичных мероприятий в этих местах получить «официальное разрешение» абсолютно невозможно. Группа молодых активистов семикратно подавала уведомления о намерении провести напротив мэрии пикет «против систематических запретов пикетов напротив мэрии». Официальным ответом каждый раз был запрет на проведение мероприятия и предложение провести его в другом месте. Хотя власти не могут обязать организаторов изменить место проведения мероприятия, а вправе лишь предложить варианты, первая попытка провести пикет в заявленном месте 16 марта 2007 г. закончилась задержанием активистов.

Ещё одним примером такой тенденции может быть официальный запрет на проведение оппозиционных акций в центре Орла, напротив областной администрации, - хотя на этом месте регулярно проходят другие публичные мероприятия.

В некоторых случаях, пытаясь предотвратить шествия активистов по центральным улицам, органы власти прибегают к прописанной в законе возможности предложить изменить место проведения мероприятия. Список предлагаемых «альтернативных» мест обычно ограничивается территориями, удалёнными от оживлённых улиц, и нередко эти места оказываются в тех частях города, где никто не может увидеть протестующих. Такая схема часто применяется в Санкт-Петербурге, где, в частности, в июне 2006 г. губернатор предложил участникам Российского Социального Форума, выступавшим против деятельности «Большой восьмёрки», вместо шествия по центральным улицам города протестовать за забором стадиона в совершенно безлюдной местности. Подобный подход использовался и в других крупных городах, например, Воронеже, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и пр.

Недавно Общественная Палата, призванная служить витриной лояльного властям

«гражданского общества», провозгласила, что считает вполне допустимым ограничение протестной активности несколькими определёнными территориями. Эту концепцию поддержал вице-премьер Сергей Иванов и восторженно восприняли власти некоторых регионов. Складывается впечатление, что эта инициатива будет в дальнейшем трансформирована в законопроект. В случае, если этот нормативный акт будет принят, - он станет юридическим основанием для предложений о проведении публичных мероприятий на окраинах городов или за пределами оживлённых территорий - там, где они не потревожат спокойствие властей.

Предложения об изменении времени проведения протестных акций в большинстве случаев направлены на лишение мероприятий всякого смысла. Во время саммита «Большой восьмёрки» более 25 различных мирных собраний в Санкт-Петербурге были саботированы властями, которые потребовали от организаторов выбрать дату после завершения саммита, когда акции уже не смогут добиться преследуемых целей. Организаторам пикета в память жертв трагедии в Беслане, запланированного на дату её годовщины 3 сентября 2006 г., участникам движения «За права человека», было предложено перенести его на другую дату: сначала под предлогом «подготовки к городским праздникам», потом – со ссылкой на обеспечение безопасности. Предложения были явно необоснованными: ведь 3 сентября было официально объявлено «Днём солидарности с жертвами терроризма», не говоря уже о том, что официальные мероприятия траура в связи с этой годовщиной прошли в тот день по всей стране. Организаторы обжаловали запрет в вышестоящие органы исполнительной власти до проведения пикета 3 сентября. Тем не менее, при попытке провести акцию значительная часть участников была задержана и подвергнута судебному преследованию за совершение правонарушения. Организатор пикета Лев Пономарёв был приговорён к 3 дням административного ареста. Запрет был впоследствии снят вышестоящими органами исполнительной власти, но решения суда так и не были отменены.

Несмотря на то, что, согласно закону, организаторы вправе отклонить предложения об изменении места и времени проведения мероприятий, которые лишают публичный протест сути и смысла, на практике любые попытки провести акцию на месте или во время, отличные от указанных администрацией, приводят к появлению и вмешательству милиции.

6. Изменение формы публичного мероприятия

Ограничениям подвержены не только заявленные место и время, но и формы протестов. Органы исполнительной власти испытывают гораздо более серьёзную аллергию на шествия и демонстрации, чем на «стационарные» митинги и пикеты. В Москве практически не допускаются шествия за исключением проводимых крупнейшими политическими партиями и официальными профсоюзами. В Санкт-Петербурге доступ на центральные улицы остаётся привилегией демонстраций, организованных собственно властями. Прочие смертные, желающие пройти шествием по центру города, сталкиваются с дежурным предложением властей изменить форму проведения акции - на менее заметную и легче поддающуюся контролю.

Создаётся впечатление, что городские власти (особенно в Москве) испытывают иррациональный страх перед подвижными демонстрациями и лишь в редких случаях позволяют им пройти без вмешательства милиции. Единственным исключением на территории Москвы в 2007 г. были первомайские торжества, когда все демонстрации, включая акции крайне-правых движений, были разрешены властями.

Все прочие попытки коалиции «Другая Россия» провести Марш несогласных в форме шествия провалились, и причиной тому было требование органов исполнительной власти ограничиться проведением митинга. Аналогичная ситуация возникла и 4 ноября 2006 г., когда демонстрации всех движений (от крайне-правых и православно-фундаменталистских, с одной стороны, до антифашистских и правозащитных – с другой)

были запрещены. В качестве альтернативы организаторам предложили провести митинги в разных районах города – этот компромисс был принят практически всеми движениями, несмотря на то, что администрация явно превысила свои полномочия.

Одним из последних и, пожалуй, самых показательных примеров, явно демонстрирующих, что «предложения» органов власти не оставляют выбора организаторам, было Шествие за свободу шествий. Организаторы из коалиции различных молодёжных активистских групп были намерены провести протест против систематических запретов шествий - первоапрельскую акцию с дурашливыми и шуточными лозунгами. Чиновники предложили им протестовать в форме митинга. Когда активисты ответили на это предложение отказом и выразили готовность к двусторонним переговорам в целях найти компромиссное решение, ответом им было молчание. Акция привлекла около 100 участников, однако все организаторы, часть активистов и несколько прохожих были превентивно задержаны, а шествие в тайне от милиции состоялось в другой части города. Откровенно говоря, тактика игнорирования законодательных требований оказывается более результативной, чем стратегия их соблюдения, поскольку не даёт властям преимущества превентивных действий.

Согласительные процедуры, предусмотренные законом, на практике не работают. Органы власти формулируют свои «предложения» в императивной форме, фактически не оставляя организаторам выбора и ограничивая формы протестной активности теми, которые удобны властям. Лишая установленный законом порядок всякого смысла, власти сами толкают активистов на действия, выходящие за рамки закона, в частности, на проведение акций без подачи уведомлений. Уведомление органов власти о предстоящих мероприятиях на практике не служит для координации усилий администрации и организаторов, а обращается против активистов в стремлении помешать им организовать открытый протест.

7. Ограничение числа участников

С целью сделать протесты максимально незаметными органы власти прибегают к различным средствам для ограничения числа участников. Иногда уменьшение численности становится необходимым условием для получения «официального разрешения». В других случаях милиция ограничивает доступ людей на место проведения мероприятия, исходя из численности, указанной в уведомлении, - несмотря на то, что организаторы не обязаны точно знать количество предполагаемых участников. У милиции есть все возможности для воспрепятствования попаданию участников на мероприятия, поскольку фактически место проведения любого собрания огораживается милицейскими кордонами, а доступ в него сопровождается обязательными обысками «в целях безопасности». Зачастую милицейские ограждения также используются для уменьшения площади места проведения мероприятия с целью сократить количество участников.

По закону органы власти обязаны проинформировать организаторов о норме предельной заполняемости территории, на которой они планируют провести акцию. Нормы предельной заполняемости устанавливаются законодательством субъектов РФ и также используются для ограничения масштабов протестов. Не так давно численность участников публичных мероприятий в Москве была ограничена до двух человек на квадратный метр.

Обязательство информировать об этих нормах на практике трансформировалось в самопровозглашённые полномочия определять, сколько протестующих могут собраться в каждом конкретном месте города. Это уже привело к возникновению курьёзных ситуаций, когда большие городские площади «официально» могут вместить смехотворно небольшое число протестующих, несопоставимое с количеством «нормальных» граждан, находящихся там в обычный день. Тем не менее, милиция насаждает эти абсурдные ограничения с применением всех возможных средств, находящихся в её распоряжении: от усиленных кордонов вокруг места проведения мероприятия до прямого запрета входить

туда людям, не вписавшимся в это произвольно установленное число.

8. Вмешательство милиции

Недавно вошедшей в традицию особенностью любого публичного мероприятия стало усиленное милицейское присутствие. Все акции, получившие официальное согласование органов власти, проходят за милицейскими заграждениями, с помощью которых ограничивается доступ участников. Если мероприятие не одобряется властями, милиция, как правило, вмешивается, как только участники разворачивают плакаты и достают средства наглядной агитации.

Закон устанавливает определённую процедуру прекращения публичного мероприятия, признанного незаконным, которая почти никогда не соблюдается. 1 апреля 2006 г. акция протеста против строительства нефтепровода у озера Байкал была за 30 секунд разогнана с применением чрезмерного и необоснованного насилия, без вынесения какого-либо предупреждения активистам. Все протестные мероприятия против саммита «Большой восьмёрки» в Санкт-Петербурге были встречены немотивированной жестокостью милиции. В частности, для разгона акции анархистов напротив гостиницы «Рэдиссон-Сас-Роял-Отель» использовались дубинки - хотя протест был ненасильственным и участники не оказывали сопротивления милиции. Участник команды правовой безопасности активистов «Legal Team», присутствовавший на акции в качестве наблюдателя за действиями милиции, был задержан при попытке сфотографировать неправомерное применение силы по отношению к активистам. В результате ему было предъявлено то же обвинение, что и участникам акции.

Фотографии и видеозаписи разгонов оппозиционных Маршей несогласных, состоявшихся 14 апреля 2007 г. в Москве и 15 апреля 2007 г. в Санкт-Петербурге, разошлись по всему миру. В Санкт-Петербурге люди были атакованы отрядами ОМОНа, покидая место проведения акции, на пути к метро. В результате часть из них попала в больницы с травмами. В Москве по официальным данным было арестовано 170 человек. Организаторы уточняют, что число задержанных приближается к 500, включая прохожих и журналистов. Численность милиции во всех случаях превышала количество участников, а центральные районы городов, где должны были пройти Марши, напоминали территории под военной оккупацией. Самые абсурдные ситуации разыгрались в Нижнем Новгороде – где против приблизительно сотни участников Марша организованно выступили несколько тысяч бойцов ОМОН – и в Воронеже, где несколько десятков протестующих были встречены несколькими десятками автобусов с милицией.

Во всех этих случаях ОМОН без разбору арестовывал участников, прохожих и журналистов, показавшихся подозрительными или просто попавшихся под руку. Психологическое запугивание и физическое насилие становятся традиционными. Условия содержания задержанных в ОВД не соответствуют стандартам и могут рассматриваться как бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение. Всё это непосредственно связано с общими проблемами милицейского произвола и насилия, плохих условий содержания задержанных – однако по отношению к протестующим, считающимся политическими активистами, эти проблемы дополнительно усугубляются запугиванием со стороны сотрудников ФСБ.

В худшем из сценариев, отряды милиции особого назначения, стянутые к месту проведения мероприятия, получают установку на применение оружия. Подобная ситуация имела место в Дагестане 25 апреля 2006 г., когда трое участников демонстрации протеста против местных властей были тяжело ранены и впоследствии скончались. По официальной версии, милиция пыталась сдержать толпу выстрелами в воздух, а пострадавшие были ранены рикошетом. Свидетели, однако, утверждают, что выстрелы милиции были целенаправленными. 19 сентября 2007 года милиция открыла огонь по участникам митинга против покушения людей в центре Назрани, Ингушетия. Двое участников митинга получили огнестрельные ранения.

Хотя случаи применения оружия достаточно редки, немотивированное насилие вошло в традицию, а разгон акции ОМОНОм становится обычным даже для мероприятий, участники которых соблюдают все требования закона. Милиция предпочитает действовать по приказу вышестоящих чинов, препятствуя проведению акции и оставляя суду возможность самому разбираться в законности происходящего.

9. Превентивные действия милиции

Помимо прямого подавления протестов, милиция всё чаще и чаще прибегает к тактике превентивных действий. С этим сталкиваются не только участники мероприятий, расцененных властями как «незаконные» (как, например, это имело место в случае с превентивным задержанием организаторов первоапрельского шествия), но и акций, получивших официальное «согласование».

Милиция принимает «профилактические меры», стремясь предотвратить попадание активистов на мероприятие. Милиционеры приходят к активистам домой, запугивают их родственников, соседей, администрацию ВУЗов, просят «воздержаться» от поездки на мероприятие. Иногда от активистов требуют написать «объяснительные» и пообещать не принимать участие в протестах.

Все эти меры широко использовались во время саммита «Большой восьмёрки» в Санкт-Петербурге, когда для поиска потенциальных участников протестных мероприятий использовалась информация о предшествующей политической и социальной активности. «Legal Team» стало известно о 216 случаях снятия активистов с поездов и других видов транспорта. Их паспортные данные фиксировались, у некоторых были изъяты документы и билеты.

Обширная база так называемых «экстремистов», как и часть стратегий, применявшихся во время саммита, продолжают использоваться для предотвращения оппозиционных акций и затрагивают даже тех активистов, которые никак не связаны с намеченными мероприятиями. Широко применяются превентивные аресты под различными, часто абсурдными, предлогами.

Саммит Россия-ЕС, состоявшийся в Самаре в мае 2007 г., может служить прекрасным примером использования этих методик для ограничения масштабов протестов и запугивания участников. Люди, чьи имена были упомянуты в официальных уведомлениях о мероприятиях, вызывались в милицию на допросы точно в даты заявленных мероприятий. Те, кто ранее обвинялся в совершении правонарушений, заключались под стражу на время саммита. Национал-большевики, в отношении которых были вынесены условные приговоры, были подвергнуты административному аресту. Их дома обыскивались, а родственники подвергались допросу. Повсюду были распространены объявления о том, что «Их разыскивает милиция». Офисы многих правозащитных и гражданских НКО подверглись обыску, их компьютеры были изъяты со ссылкой на наличие «пиратского программного обеспечения». Здание, в котором располагалось несколько НКО, было закрыто под предлогом «опасности пожара». За исключением избиения бейсбольными битами правозащитника Александра Лашманкина на пороге собственного дома, во всех остальных случаях присутствовала некая мотивировка, апеллирующая к закону. Однако массовый масштаб согласованных репрессий позволяет судить о целенаправленном препятствовании мобилизации протестующих. Упомянутые тактики превентивных задержаний, изъятия билетов и другие меры, направленные на предотвращение приезда на саммит людей из других городов России, использовались и в других регионах.

Чёрные списки «экстремистов» и другие тактики, разработанные милицией во время саммита «Большой восьмёрки», продолжают использоваться против активистов и по сей день.

10. Ужесточение наказаний. Фальсификация доказательств

Показательно, что задержанные в значительном числе случаев не подвергаются наказанию в судебном порядке. Иногда милиция даже не считает нужным отправлять протоколы в суд, видимо, расценивая несколько часов, проведённых в ОВД, как достаточно суровую санкцию. Даже если протоколы в должном порядке направляются в суд – результатом не всегда является обвинительный приговор, из-за различных нарушений процедуры со стороны милиции. При этом добиться оправдательного приговора практически невозможно, что фактически не оставляет задержанным шансов на возмещение вреда за незаконное задержание.

Неприятным явлением является применение более суровых наказаний за участие в публичных мероприятиях. Два года назад самым страшным, что грозило активистам за нарушение закона о собраниях, был штраф в 1000 рублей. Сегодня, несмотря на то, что законодательство в этой области не изменилось, всё чаще применяются наказания вплоть до 15 суток административного ареста – милиция делает всё возможное, чтобы обвинить протестующих с совершении правонарушений, за которые предусмотрен административный арест до 15 суток. В подобных случаях милиция вправе задерживать активистов на срок до 48 часов без судебного решения.

Всё чаще и чаще участники протестов обвиняются в непристойном поведении или неповиновении законным требованиям сотрудников милиции, а доказательствами служат свидетельства милиционеров и составленные ими же протоколы. Подобные обвинения доказать даже проще, чем нарушения законодательства о собраниях, особенно учитывая тот факт, что суды зачастую игнорируют доказательства защиты. Эти статьи позволяют продержать человека в ОВД вплоть до 48 часов и весьма удобны для изоляции активистов во время массовых мероприятий: сфабрикованные дела такого рода были чрезвычайно распространены в Санкт-Петербурге в июне 2006 г. Во всех судебных процессах, прошедших с участием команды правовой безопасности активистов «Legal Team» в Санкт-Петербурге, вопрос о законности или незаконности акции даже не рассматривался, хотя именно он является решающим при определении того, являются ли требования сотрудников милиции законными.

Однако подобные действия были зафиксированы не только в Санкт-Петербурге и не только в период масштабных международных событий. Суровые приговоры выносятся всё чаще и чаще, особенно в делах по акциям, посвящённым неоднозначным с точки зрения властей вопросам, как, например, это имело место по делу о правозащитном пикете 3 сентября 2006 г. в память о трагедии в Беслане. Хотя запрет мероприятия впоследствии был признан незаконным, участники подверглись штрафу за отказ соблюдать требование милиции о прекращении «неразрешённой акции».

Большинство дел такого рода фабрикуются – протоколы милиции содержат искажённую информацию или явные противоречия. Если задерживается целая группа активистов, им с большой вероятностью будет предъявлено обвинение в совершении одного и того же правонарушения, а документы будут абсолютно идентичными, вне зависимости от конкретных обстоятельств дела или вины задержанного.

Одним из наиболее ярких примеров репрессий против участников протестов является дело московских участников Всемирного конопляного марша, который должен был состояться 5 мая 2007 г. 5 активистов были задержаны при попытке провести шествие. 7 их знакомых пришли поддержать их к ОВД и также были задержаны без объяснения причин и каких-либо предварительных требований со стороны милиции. Сотрудники милиции немедленно применили насилие: били людей головой об асфальт, душили их и волокли по земле. Насилие и запугивание продолжились в ОВД, как со стороны милиции, так и со стороны работников Госнаркоконтроля. Всем задержанным, включая и страдающего диабетом, было отказано в пище и воде. Чтобы оправдать непропорциональное применение силы, были выдвинуты обвинения в неповиновении законным требованиям сотрудников милиции. Кроме того, 11 активистов были обвинены в нарушении установленного порядка проведения собраний и пропаганде наркотиков. Их

под стражей доставили в суд, который всю ночь рассматривал их дела в закрытом порядке. Последний приговор был вынесен в 9 утра. По решению суда, все женщины были приговорены к уплате штрафа в 3500 рублей (около 100 евро), мужчины – к административному аресту на 10 суток и штрафу в 2500 рублей. Организатор акции получил срок на 5 суток больше. Приговор вступил в силу незамедлительно.

Это решение, было, наверное, самым жестким приговором по делам, связанным с проведением публичных мероприятий. Все задержанные были трижды наказаны за одну и ту же акцию – выход на улицу с плакатом за легализацию конопли – действие, которое большинство из них не совершали. Участники «Legal Team», которые представляли их интересы, сообщают о множественных нарушениях в оформлении протоколов и процессуальных нарушениях в суде. Все допрошенные свидетели были со стороны милиции, при этом суд отказался рассматривать доказательства в пользу задержанных. При обжаловании решения по делу защитники не имели возможности не только согласовать стратегию защиты с задержанными, но даже ознакомиться с документами. С задержанными обращались, как с преступниками, не предоставив им даже минимальных процессуальных прав. Это дело является прекрасной иллюстрацией «правосудия», с которым сталкиваются активисты: оно смыкается в злоупотреблениях с милицией, осуществляет функции обвинения, игнорирует процессуальные правила и руководствуется презумпцией виновности, оставляя без внимания доказательства защиты.

Таким образом, очевидны признаки того, что суды руководствуются указаниями милиции и являются частью репрессивного аппарата, а не независимой судебной власти.

Есть основания ожидать в ближайшем будущем усугубления ситуации со свободой собраний: в преддверии парламентских и президентских выборов правительство использует все доступные средства для запугивания и подавления потенциально возможных организованных или стихийных акций критической направленности.